

XX Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2018 года.

Материалы к проекту

«Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований»
(монография) <https://psy.su/psyche/projects/2145/>

А.Л. Журавлев, В.А. Соснин, Д.А. Китова, Т.А. Нестик и А.В. Юревич. Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2017. – С. 179-185.

Глава 10 «Коллективная память как мишень психологического воздействия в глобальной информационной борьбе»

В эпоху информационных войн и экономики знаний одним из наиболее эффективных инструментов воздействия на противника является целенаправленное изменение представлений социальной группы (и населения страны в целом) о прошлом и будущем (см.: Соснин, 2012, с. 154-184).

Отношение к своему прошлому и оценка будущего в значительной степени определяют способность общества и отдельных его представителей справляться с возникшими в настоящем экономическими, социально-политическими и бытовыми трудностями и проблемами.

Активное воздействие противника на социальную память и видение будущего как малых групп (например, управленческих и проектных команд), так и крупных социальных групп (например, этно-религиозных, социально-политических, социально-экономических) может ослабить жизнестойкость, надежность, адаптивность общества и даже подорвать политическую ситуацию в стране (Журавлев, 1983; Совместная деятельность: методология ... , 1997, 1998; Совместная деятельность в условиях ... , 1998; Журавлев, 2000; Психология ... , 2001; Верч, 2009; Купрейченко, Журавлев, 2011а; Журавлев, Нестик, Соснин, 2012; Журавлев, Юревич, 2014).

Рассмотрим историю изучения социальной памяти, ее основные функции и механизмы, а также определим возможные пути ее искусственной трансформации.

Понятие коллективной памяти впервые было использовано Г. фон Гофмансталем в 1902 г., а современный его смысл был определен французским социологом М. Хальбваксом в 1925 г. в его работе «Социальные рамки памяти».

Тогда же данный феномен начинает исследоваться историками, сначала М. Блоком в его работах по истории феодального общества, а позднее и французской исторической школой «Анналов». В 1930-е годы социальная память привлекает к себе внимание теоретиков культуры Э. Варбурга и В. Беньямина, показывающих роль произведений искусства и предметов повседневности в формировании представлений общества о собственном прошлом и будущем.

Ф. Бартлетт считается первым психологом, показавшим роль групповой динамики в функционировании индивидуальной памяти. Еще ранее на роль социальных факторов в развитии памяти указывали П. Жане, Г. Зиммель, Ч. Кули и Дж. Мид, а у нас в стране – Л. С. Выготский и А. Р. Лурия. Культурный антрополог Э. Эванс-Притчард ввел понятие «структурная амнезия», изучая механизмы формирования коллективной памяти. Вместе с тем следует заметить, что феномен социальной памяти оставался практически незамеченным в классической социологии и социальной психологии первых двух третей XX в.: Э. Дюркгейм, М. Вебер, а также марксистская традиция рассматривали его как характерный исключительно для традиционных обществ. Возможно, этот факт объясняется общим для того времени заблуждением, согласно которому одной из ключевых черт современности является освобождение от

XX Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2018 года.

Материалы к проекту

«Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований»
(монография) <https://psy.su/psyche/projects/2145/>

традиции и разрыв с прошлым. С 1980-х годов интерес исследователей к проблеме социальной памяти неуклонно растет. [1]

Можно выделить несколько функций социальной памяти. Это, по Ф. Бартлетту, выравнивание индивидуальных воспоминаний, их подчинение единой логике; акцентуация, т. е. подчеркивание определенных эпизодов в прошлом, значимых для настоящего; ассимиляция различных событий, историй и рассказов в единое целое; конвенционализация, т. е. реконструирование прошлого в соответствии с требованиями настоящего. Еще Э. Дюркгейм, говоря о коммеморативных обрядах в традиционных обществах, указывал на их групповую, сплачивающую, интегрирующую функцию. Позднее эту же идею развивал его ученик М. Хальбвакс. При этом память выполняет функцию поддержания позитивной социальной идентичности, высвечивая те эпизоды, которые подкрепляют положительную самооценку представителей группы.

Напротив, негативные для группы эпизоды могут забываться, замалчиваться. С этой функцией связана и другая – совладания с общественной, культурной травмой (Pennebaker, Banasik, 1997; Емельянова, 2007). Таким образом, пожалуй, наиболее важная функция социальной памяти – это адаптация к новому, к социальным и экономическим изменениям.

Важную роль в формировании коллективной памяти группы играет ее лидер. Так, например, в исследовании проектных команд П. Томе и Дж. Пинто было обнаружено, что лидеры успешных проектов характеризуются несколькими важными компетенциями в отношении работы с представлениями о прошлом и будущем:

- 1) искривление времени – способность приближать прошлое и будущее к субъективному настоящему команды и внешних заинтересованных сторон проекта;
- 2) формирование образа будущего – способность постоянно удерживать и корректировать в воображении картину конечного результата проекта, создавать будущее в воображении команды;
- 3) способность дробить будущее проекта на мелкие, связанные друг с другом, более управляемые части;
- 4) полихронность – способность одновременно думать о разных делах, отслеживать параллельно идущие процессы, увязывать друг с другом разные по масштабу циклы, различные их стадии;
- 5) интуитивное предвидение будущего, с опорой на отрефлексированный опыт прошлого;
- 6) подытоживание прошлого – способность резюмировать и оценивать сделанное командой, выхватывать из истории проекта возможности для будущего.

Кроме того, лидер поддерживает свое влияние на последователей через символическое конструирование времени, приоритетное право на репрезентацию прошлого, его интерпретацию и определение исторической истинности.

Социальная память передается через так называемые «мнемонические сообщества» (Э. Зерубавель): семью, организацию, этнос, нацию. Вопреки сложившимся представлениям, можно с уверенностью утверждать, что основную роль в передаче социальной памяти играют не монументальные изображения и скульптуры, не памятники и музеи, а рассказывание историй старшим поколением младшим в семье, совместное отмечание исторических праздников (Zerubavel, 1995).

Напротив, монументализация прошлого в памятниках может служить своего рода способом освобождения от прошлого, формой расставания с ним. Не случайно М. Хальбвакс считал

XX Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2018 года.

Материалы к проекту

«Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований»
(монография) <https://psy.su/psyche/projects/2145/>

историографию «мертвой памятью» (Halbwachs, 1950), а М. Адорно проводил параллель между музеем и мавзолеем.

Таким образом, целенаправленная трансформация социальной памяти является наиболее действенной, если осуществляется не через научные монографии и памятники, а через разговоры об истории, через повседневное обсуждение новостей, мнений и т. д. Известно, что лучше всего запоминаются исторические события в возрасте от 12 до 25 лет, когда формируется идентичность личности и когда исторические переживания и впечатления еще не с чем сравнивать. Именно в этом возрасте личность наиболее восприимчива к манипуляциям историческим прошлым и к целенаправленно формируемой информации о политических событиях настоящего.

Циклы социальной памяти соответствуют циклам смены поколений: каждые 20-30 лет общество оглядывается назад и заново переосмысливает прошлое (Pennebaker, Banasik et al., 2005). То есть картина прошлого, сформированная в представлениях молодежи сегодня, имеет шансы быть легитимированной и стать общепризнанной через 25 лет.

Можно выделить несколько способов целенаправленного воздействия на коллективную память с целью ослабления противника в информационной войне.

Во-первых, это сокращение временной перспективы, ее сужение до настоящего и ближайшего прошлого.

Еще К. Левин в 1942 г. обратил внимание на то, что социальная группа, не помнящая свое прошлое и не поддерживающая память об отдаленных позитивных исторических событиях, более подвержена пропаганде врага и теряет способность к выживанию в трудных условиях. А наш гениальный предок А. С. Пушкин выразил эту мысль еще проще: «Народ, не знающий своего прошлого, не имеет права на будущее».

Добиться сужения временного горизонта можно через следующие технологии:

- интенсивное распространение информации об эмоционально значимых для россиян событиях недавнего прошлого;
- ограничение доступа к источникам информации об отдаленном историческом прошлом;
- девальвация ценности прошлого для выживания в новых условиях, демонстрация принципиальной несопоставимости исторического опыта и реалий сегодняшнего дня (например, подчеркивание различий между рецессией 1929-1932 гг. и мировой рецессией 2008-2010 гг.);
- введение цензуры в контролируемых СМИ на проведение исторических параллелей между сегодняшними трудностями и трудностями, успешно преодоленными в прошлом.

Во-вторых, это формирование в массовом сознании отрицательного образа истории нации или отдельной социальной группы. Исследования в области психологии времени свидетельствуют о том, что негативное отношение личности к своему прошлому снижает ее адаптивность к изменениям, способность к успешному совладанию с кризисом. Негативное отношение к своему прошлому тесно связано с такими психологическими явлениями, как депрессия, тревога, низкая самооценка, агрессия и отсутствие эмоциональной стабильности, общая неудовлетворенность жизненными обстоятельствами в настоящем, проблемы в межличностных отношениях, склонность к азартным играм (Zimbardo, 2008; Сырцова, 2008). На групповом уровне негативное отношение к своему коллективному прошлому может

XX Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2018 года.

Материалы к проекту

«Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований»
(монография) <https://psy.su/psyche/projects/2145/>

провоцировать кризис идентичности, облегчать распространение социальных страхов, ксенофобии, аномии и приводить к противоправным массовым выступлениям людей в оппозиционных движениях.

Сформировать негативную оценку коллективного прошлого у людей можно через ряд технологий:

- распространение негативной, порочащей информации об исторических фигурах, служащих символом национальной гордости; активное распространение через подконтрольные издательства, СМИ и в Интернете мнения о том, что история страны – это история зла, построенная на крови, и т. п.;
- ограничение доступа к информации о позитивных событиях национального прошлого;
- популяризацию идеи о том, что на народе или на отдельной социальной группе, представители которой проживают в стране, лежит непростительный грех, проклятие, неизгладимая вина, и т.д.

В-третьих, это искажение прошлого для легитимизации тех или иных изменений в настоящем и будущем. Необходимость сохранения позитивной идентичности подталкивает социальные группы к формированию тех представлений о прошлом, которые поддерживают положительную самооценку. Например, один и тот же факт из истории вооруженного конфликта может освещаться совершенно по-разному в школьных учебниках истории в зависимости от того, в какой стране-участнице конфликта они написаны. При столкновении с «чужими» даже совсем недавно сформировавшаяся группа создает свою положительную историю, объединяющий ее нарратив о прошлом и будущем (Neal, 1998).

Одним из примеров перестраивания представлений о прошлом для восстановления положительной оценки своей группы служит «переписывание» своей истории грузинами. В 1795 г. произошло кровопролитное опустошительное нашествие Ага-Магомет-Шаха, во время которого столица Грузии была завоевана и сожжена. А уже через несколько лет на улицах ожившего Тбилиси, освобожденного от завоевателей, во время карнавала разыгрывался традиционный сюжет, в котором враг оказывался побежденным. Иллюзия победы, разыгранная в сюжете, свидетельствует о том, что национальное самосознание нередко искажает прошлое для формирования национальной гордости, для поддержания веры в жизнеспособность группы. У такого искажения прошлого может не быть авторства, оно происходит в известной мере спонтанно.

В то же время известно, что та или иная трактовка прошлого, воображаемая традиция издавна являются средствами сакрализации и легитимации власти, т. е. искажение прошлого может быть целенаправленным проектом, у которого есть заказчики и бюджет. Например, в европейских национальных государствах с конца XIX в. политические элиты активно формировали через газеты представление о преемственности истории своих наций, о провидении, ведущем нацию в будущее, о великом национальном предназначении и т. п. Эти усилия призваны были компенсировать размывание национального единства в обострившихся внутригосударственных политических конфликтах и продемонстрировать роль элиты в истории нации (Hobsbaum, 1983).

Для обоснования привлекательности той или иной политической или экономической идеи, которая выгодна противнику, могут быть предприняты попытки изменить картину прошлого в массовом сознании через ряд технологий:

- организацию псевдонаучной конференции, посвященной определенным эпизодам в национальной или мировой истории, с назначением заранее проплаченных докладчиков и последующим информированием общественности о якобы подтвержденных участниками новых исторических фактах или выводах;

XX Национальный конкурс "Золотая Психея" по итогам 2018 года.

Материалы к проекту

«Массовое сознание и поведение: Тенденции социально-психологических исследований»
(монография) <https://psy.su/psyche/projects/2145/>

- выпуск книг, статей, теле- и радиопрограмм, в которых будет обосновываться новая точка зрения на события прошлого, порочащая историю страны;
- проведение параллелей между событиями, социальными явлениями настоящего и теми специально отобранными историческими фактами, которые позволяют обосновать целесообразность (или оправданность) действий той или иной политической группы, и т.д.

В целом борьба за сознание и поведение людей, за их коллективную память является мишенью психологического воздействия в глобальной информационной войне геополитических противников. И государственным структурам в этой борьбе необходимо соответствовать вызовам истории и организовывать адекватное противодействие для сохранения стран, в том числе и России как суверенного субъекта исторического процесса.

[1] Столкновение с проблемами поликультурного общества, кризис демократических ценностей и снижение доверия к институту президентства в Европе, крах социалистических режимов - все это ставило под вопрос привычные представления людей о единой линейной истории человечества (о метарассказе).